

811.512.111

**ЧУВАШСКИЕ АГНОНИМИЧНЫЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ
ИЗ ЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКОВ***

CHUVASH AGNONYM BORROWINGS FROM EUROPEAN LANGUAGES

Э. В. Фомин

E. V. Fomin

*БОУ ВПО «Чувашский государственный институт культуры и искусств»
Минкультуры Чувашии, г. Чебоксары*

Аннотация. Работа посвящена семантизации абсолютных агнонимов чувашского языка, заимствованных из европейских языков. Отличительная черта этой лексической группы – случайные звуковые изменения, которые в свое время не позволили уверенно идентифицировать их.

Abstract. The paper is devoted to semantization of absolute agnonyms of the Chuvash language borrowed from the European languages. The distinguishing feature of this lexical group is random sound changes which once prevented from identifying them confidently.

Ключевые слова: *агнонимы, европеизмы, семантизация, чувашский язык, языковые контакты.*

Keywords: *agnonyms, European words, semantization, Chuvash language, language contacts.*

Актуальность исследуемой проблемы. Изучение европеизмов в чувашском языке не входит в число приоритетных направлений современной чувашско-русской контактологии. Европеизмы оказываются заимствованными через русское посредство так или иначе в уже освоенном виде (например, орфографированными кириллицей), их адаптация под специфику чувашского языка минимальна, иногда лишь отбрасываются или уточняются типично русские форманты, как правило, флексии. Но так было не всегда. В дооктябрьский период европеизмы при заимствовании, равно как и русизмы, подвергались фонетическим преобразованиям. Преобразования могли быть настолько глубокими, что в настоящее время для установления взаимосвязей исходных и производных единиц требуется специальный анализ. Именно такого рода случаи рассматриваются в данной публикации.

Работа продолжает цикл статей, посвященных семантизации абсолютных агнонимов чувашского языка [5], [9], [10], [11], [12].

Материал и методика исследований. Одним из результативных аспектов изучения и структурирования абсолютных агнонимов является генетический подход. Метод на основе комплекса лингвистических и экстралингвистических данных позволяет проследить пути заимствования слова, назвать его отдаленные этимоны.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта № 13-04-00045 «Семантизация агнонимов чувашского языка на основе комплексного лингвистического анализа»

Результаты исследований и их обсуждение. Агнонимичных европеизмов в чувашском языке менее десятка. По сути они сходны с русизмами, ибо обусловлены русским участием. Именно по этой причине в чувашском языкознании между многочисленными русскими и европейскими заимствованиями не проводятся четкие границы [3], [7, 145–149]. С точки зрения этимологических исследований, совмещение разноязычного материала в одной страте неправомерно.

В настоящем исследовании приводятся случаи семантизации агнонимичных европеизмов, применен лексикографический принцип размещения материала. Словарные статьи строятся из двух частей: в первой повторяется материал словаря чувашского языка Н. И. Ашмарина или чувашско-русского словаря 1985 г., во второй дается семантизация агнонимов.

АЛЬПАК [ал'бáк]: **кáвак альпак** синий шнурок для отделки женского костюма [1, т. 1, 184]. Данное слово в русском языке тоже имеет статус агнонима. Согласно терминологическому словарю одежды Л. В. Орленко (1996), под словом *альпак* понимается прикладная шелковая тесьма, используемая для обшивки краев изделий, либо подкладочная или платьевая шелковая ткань. Этимология слова, безусловно, выходит за пределы русского языка, однако пока еще точно не устанавливается. Следует проверить связь с созвучным словом *альпакá*, которым обозначается южноамериканское домашнее животное.

АМУРККА [амурк:á]. *Мён амуркка нек корнáсланса тáран?* Что ты кривляешься? (непристойно ведешь себя). Перевод предположительный [1, т. 2, 227]. Агноним происходит из французского *les amours* любовь, предпочтения, пришел в чувашский язык через русское *амуры* любовные интриги. Формант *-кка* в чувашском слове является аффиксом имяобразования. Видимо, под *амуркка* следует понимать человека, ведущего себя непристойно. О том же свидетельствуют контекст (*корнáслан* кривляться, ломаться; кокетничать, жеманничать) и перевод составителей словаря, данный в скобках, хотя и отмеченный как предположительный.

На этой же основе необходимо семантизировать агнонимичный глагол *амурккалан*, см.: **АМУРККАЛАН** [амурк:алáн] непристойно вести себя? *Мён амурккаланса çýретён, килёшет-и-мён нек?* Что ходишь *амурккаланса*, нравится как будто? (перевод наш. – Э. Ф.) [1, т. 2, 227].

КАМСАЛКÁ [камз'áлгъ] конфетка? *Тух, тух, варли, сар варли, çáварни чупма, кáсия тулли камсалкá.* Выйди, выйди, любимая, красивая, на масленичные катания, карман полон *камсалкá* (перевод наш. – Э. Ф.) [1, т. 6, 52]. Предложенная нами транскрипция в виде [камз'áлгъ] представляется спорной. С большей долей вероятности можно допустить ошибочное написание глухого [к] в конце слова, т. е. вместо необходимого удвоенного обозначения «к» (*камсалккá*) мы имеем его однобуквенное орфографирование (*камсалкá*). Объяснить происхождение настоящего агнонима из итальянского *confetto* через русское *конфетка* фонетически непросто: чувашскому языку неизвестны трансформации $\phi > \zeta$, $t > л$. При этом фонетическая связь чувашских слов *канверккá*, *канвит* [1, т. 6, 57], *канхветкá* [1, т. 6, 69], *каньáхват* [1, т. 6, 70], (*картлá*) *кáнахвит* [1, т. 6, 106] и их непосредственной исходной русской формы *конфета* более чем очевидна. Семантическая же преемственность *камсалк(к)á* и *конфетка* не может быть подвергнута сомнению – в иллюстративном тексте речь идет о чем-то, предназначенном возлюбленной во время праздничных гуляний, и им полон карман, и скорее это конфеты. Обозначенную нетрадиционность звукопереходов можно объяснить их сознательным или случайным искажением.

КАНИХВЕ [кан'ихв'э'], **КАНИХВЕР** [кан'ихв'э'р] камка, старинная шелковая узорчатая ткань? *Ирхине те тӓйтӓм, хӓйӓ суртӓм, канихвертен* (вариант *каниверен*) *кансул* (вариант *камсул*), *ай, кастартӓм. Канихве* (вариант *каниве*) *кансулин* (вариант *камсулӓн*) *ӓйӓ хура, ӓтир илес* (вариант *выляс*) *хӓрсен* (вариант *хӓрӓн*), *ай, куҫ* (вариант *куҫӓ*) *хура*. Встал поутру, лучину зажег, из *канихве* камзол заказал. Нутро камзола из *канихве* черного цвета, глаза девушек, которых мы собираемся взять в жены, черные (перевод наш. – Э. Ф.) [1, т. 6, 56]. Агноним по происхождению – из голландского *kannefas* или немецкого *Cannifass*, *Kanpevas* канва [8, т. 2, 180], [2, 331]. Слово пришло в чувашский язык в субституированной форме через русское посредство, в котором *канифас* – легкая хлопчатобумажная ткань с рельефным рисунком, в старину полосатая [6, 223]. По сути его ожидаемые фонетические формы в чувашском языке – *канихвас, канӓхвас, кинихвес, канӓхвес*, но нереализованные *канихве, канихвер* или *каниве* (см. иллюстративный текст). Как и в случае с *камсалӓ*, необычные фонетические расхождения между оригинальными *kannefas/Cannifass*, промежуточным *канифас* и заимствованной формой *канихве(р)* следует объяснить как сознательные или случайные.

КАРТСӐ [кӓртсӓ] гарнец на мельнице? [1, т. 6, 118]. Фонотаксис предполагает условно нечувашское происхождение слова, скорее русское. Возможные исходные слова – *картец (?)*, *гартец (?)*, *карца (?)*, *гарца (?)*, *карц (?)*, *гарц*. Последняя реконструкция – вариант русского слова *гарнец* мера сыпучих тел, особенно хлеба, осьмая доля четверика, 1/64 четверти; самая посуда в эту меру, деревянная или железная [4, т. 1, 566]. Согласно исследованиям русистов, *гарнец* происходит из польского *garniec* мера веса [8, т. 1, 394]. Слово в русском языке получило семантическое развитие на основе метонимии: мера весов → посуда, с помощью которой производится взвешивание.

КӐРМИСУН [кӓрмизӓн] то же, что *кӓрмасан*? *Кӓрмисун – Макаравра чунла укӓа паракан сын; укӓа парсассӓн кача пӓрнерен юн илсе ят сырса юлать тет. Кӓрмисун* – человек, который на Макарьевской ярмарке за душу дает деньги; когда получает деньги, записывает имя кровью из мизинца (перевод наш. – Э. Ф.) [1, т. 7, 182]. По словарю Н. И. Ашмарина *кӓрмасан, кӓрмасон, кӓрмачин* – фармазон; злой дух, заведующий кладом. Этимологизируется из русского *фармазон, франк-масон* [1, т. 7, 181]. Этимоном выступает французское *franc maçon* вольнодумец, букв. вольный каменщик, проникшее в русский язык через польскую форму *farmazon* [8, т. 4, 186]. Возведение *кӓрмисун* к *фармазон* не имеет фонетических препятствий: *фармазон* → *хӓрмасун/хӓрмисун* → *кӓрмисун*. Слово *кӓрмисун* было мифологизировано в соответствии с народными представлениями и начало означать черта, дьявола. См., например, описание *кӓрмасун*'а в чувашском мифе: *Ӕлӓкхи чӓвашсем усал сывлӓшсен шутне кӓрмасуна кӓртнӓ. Вӓл сынсен чунне илекен шуйттан пулнӓ*. Древние чуваша в число злых духов включали *кӓрмасун*'а. Он был чертом, забиравшим души людей (перевод наш. – Э. Ф.) [14, 195].

ПОТВЕН [потв'э'н] название напитка? *Потвен – серте татса килеҫҫӓ, хоранта пӓсереҫҫӓ, ала синче сӓрӓхтарса сӓрсе илеҫҫӓ, тутлӓ усла (ӓсла) ӓшине пӓчикках ҫӓпре яраҫҫӓ, вара пӓрле хопӓрласа сыхса йӓҫӓтеҫҫӓ чӓлмек ӓшӓнче. Потвен* – приносят свежее сердце, варят в котле, процеживают через сито, добавляют в сладкое сусло немного дрожжей, затем закрывают в горшке киснуть (перевод наш. – Э. Ф.) [1, т. 10, 47]. В иллюстративном тексте описывается изготовление некоего алкогольного средства, распространенного локально, судя по паспорту, в районе с. Альгешево Чебоксарского района Чувашской Республики. Слово, созвучное ему и сходное по смыслу, имеется в русском

языке – *портвейн* сорт крепкого виноградного вина [6, 459]. Но оно не является исходно русским, а восходит к английскому *portwine* вино из Порту через немецкую форму *Portwein* [8, т. 3, 335].

ШЁПИЛ [ш'ьб'и'л']: **шёпил пята** большой гвоздь [13, 617]. Промежуточная форма *шёпил* обнаруживается в русском языке: *шпиль* большой гвоздь, в четверть и более, иногда до аршина [4, т. 4, 1061]. При заимствовании слово было подвергнуто субституции: поскольку чувашский язык не допускает стечения согласных, между [ш] и [п] появилась эпентеза [ь]. Кроме того, денотат начал обозначаться с помощью тавтологичной прибавки *пята* гвоздь. Возможно, это связано с тем, что в промежуточном языке слово *шпиль* оказалось полисемантическим, ср.: **ШПИЛЬ** 1. Остроконечный конусообразный стержень, к[ото]рым заканчивается верхушка здания. <...> 2. Длинный гвоздь (спец.) [6, 720]. В конечном же итоге *шпиль* возводится к нидерландскому *spijl* острие, нижненемецкому *spill* ворот [8, т. 4, 473].

Резюме. Среди абсолютных агнонимов чувашского языка имеется незначительное число европеизмов, опосредованных русским участием. Уверенная идентификация данных заимствований в свое время оказалась невозможной из-за случайных фонетических изменений, произошедших при их освоении. Повторное обращение к проблеме позволило удостовериться в справедливости предполагаемых значений агнонимов. Оказалось, что большинство европеизмов в ходе многочисленных переходов из языка в язык не только претерпели фонетические изменения, но и подверглись уточнению значений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ашмарин, Н. И. Словарь чувашского языка : в 17 т. / Н. И. Ашмарин. – Казань ; Чебоксары, 1928–1949.
2. Большой иллюстрированный словарь иностранных слов. – М. : Русские словари ; Астрель ; АСТ, 2007. – 957 с.
3. Горшков, А. Е. Роль русского языка в развитии и обогащении чувашской лексики / А. Е. Горшков. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1963. – 214 с.
4. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. – М. : АСТ ; Астрель, 2004.
5. Материалы для словаря агнонимов чувашского языка / сост. Э. В. Фомин. – Чебоксары : Пегас, 2013. – 258 с.
6. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка. – 27-е изд., испр. / С. И. Ожегов ; под ред. Л. И. Скворцова. – М. : ОНИКС ; Мир и Образование, 2010. – 735 с.
7. Современный чувашский литературный язык : в 3 т. Т. 1 / Науч.-исслед. ин-т яз., лит., истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1990. – 238 с.
8. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер ; пер. с нем. и доп. Н. Трубачева. – 3-е изд., стер. – СПб. : Азбука ; Terra, 1996.
9. Фомин, Э. В. Агнонимы чувашского языка как объект научного изучения / Э. В. Фомин // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2013. – № 3 (79). – С. 174–177.
10. Фомин, Э. В. Отрывки из словаря агнонимов чувашского языка / Э. В. Фомин // Актуальные проблемы развития национальных языков и культуры народов Среднего Поволжья и Приуралья. – Чебоксары : Листок, 2013. – С. 176–181.
11. Фомин, Э. В. Чувашские агнонимы марийского происхождения / Э. В. Фомин // Языки, литература и культура народов полиэтничного Урало-Поволжья (современное состояние и перспективы развития). Йошкар-Ола : Б. и., 2011. – С. 269–271.
12. Фомин, Э. В. Чувашские агнонимы татарского происхождения / Э. В. Фомин // В. В. Радлов и духовная культура тюркских народов. – Казань : Альянс, 2012. – С. 179–184.
13. Чăвашла-вырăсла словарь / Науч.-исслед. ин-т яз., лит., истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР ; под ред. М. И. Скворцова. – 2-е изд., стер. – М. : Рус. яз., 1985. – 712 с.
14. Чăваш халăх сăмахлăхĕ : 6 томпа тухать. 6 т. / И. И. Одюков, В. Г. Родионов пухса хатĕрленĕ. – Шупашкар : Чăваш кĕнеке издательстви, 1987. – 447 с.